

С. Н. Ушакова**Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества**

Большинство историков, которые занимаются проблемами отечественной истории советского периода, так или иначе стремятся «уложить» полученные ими конкретные результаты в некую схему, используя с этой целью уже существующие теории и концепции исторического развития или придумывая собственные. В еще большей степени это относится к политологам. Вопрос о том, насколько оправданным и даже вообще допустимым является такой подход к историческому исследованию, остается дискуссионным. Во всяком случае, очевидны причины, которые двигают большинством из нас. Первая связана с пониманием многими историками целей и задач исследования не только как реконструкции отдельных событий и процессов, но и их объяснения. Вторая – это возможность использовать теоретические конструкции в качестве научных моделей, обладающих некоторым эвристическим потенциалом, который позволяет расширить возможности исторического исследования.

Наиболее популярными ныне являются три концепции исторического развития советского общества. Первая из них – тоталитарная, которая, как известно, сформировалась в западной историографии в 1950–1960-х гг., а в нашей стране широкое распространение получила с конца 1980-х гг. В ее основе лежит тезис о всеобъемлющем контроле государства над всеми сферами общественной жизни и даже над личной жизнью граждан. Данная концепция позволила добиться значительных успехов в изучении политической истории нашей страны: определена структура власти и механизмы принятия решений, выявлена нормативно-директивная основа значительной части политических, экономических, социальных и культурных процессов.

Вторая концепция во многом возникла как реакция на тоталитарную. Она имеет весьма условное название «социальная история», основной смысл которого, по-видимому, заключается в оппозиции тоталитарной концепции, ориентирующейся на изучение политической истории. Основанием концепции «социальной истории» является тезис о слабости власти или, во всяком случае, о ее значительно ограниченных возможностях воздействовать на жизнь общества и контролировать его. Следующий из данного тезиса вывод о важной, если не решающей, роли

Ушакова Светлана Николаевна, к.и.н., научный сотрудник Института истории СО РАН (г. Новосибирск).

Эл. почта: larus@history.nsc.ru

© С. Н. Ушакова, 2008

общества и его отдельных групп в исторических событиях определил приоритетность изучения вопросов социальной стратификации, идентичности, условий жизни разных групп советского общества, истории общественного сознания, повседневности, механизмов взаимодействия государства и общества и т. д. В данном направлении также достигнуты значительные успехи.

Третья концепция – модернизационная. В рамках данной концепции события конца XIX – первой половины XX в. рассматриваются с точки зрения перехода от традиционного, аграрного общества к индустриальному. Таким образом, создается альтернативная марксизму схема, позволяющая анализировать процессы, имевшие место в нашей стране, на общих для западной цивилизации основаниях. Использование данного подхода, как правило, направлено на выявление специфики отечественного варианта модернизации и последствий его реализации.

Как видно, каждая из этих концепций, если ее содержание не абсолютизировать и не считать единственно возможным вариантом объяснения советской действительности, обладает своим потенциалом для изучения отечественной истории. Не менее очевидно, что их содержание накладывает на исследователей определенные ограничения, о которых, впрочем, мы не будем сейчас говорить.

Более подробно, и это является предметом нашей статьи, мы предлагаем рассмотреть еще одну концепцию постреволюционной истории советского общества, которая, на наш взгляд, обладает значительными перспективами как научная модель. Основой данной концепции является тезис о том, что государство строило свои отношения с обществом по мобилизационному типу. Социальная мобилизация являлась основным фактором экономического, социального, политического и культурного развития страны, во всяком случае – до первой половины 1950-х гг.

«Энциклопедический словарь» определяет понятие «мобилизация» следующим образом: «приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели». Социологические и политологические словари уточняют данный термин применительно к своей предметной области. Так, в соответствии с «Социологическим словарем», одно из значений мобилизации таково: «направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, военных, экономических и других целей». Специфика политической мобилизации, по мнению авторов этого же словаря, заключается в том, что данный процесс осуществляется «государством», «политическими партиями или движениями». «Политологический словарь» определяет «политическую мобилизацию» как «формирование поддержки тех или иных политических целей со стороны значительных масс населения». Этим же термином обозначаются действия населения, являющиеся следствием воздействия на него политических сил. В со-

временной западной политологии данный термин используется преимущественно применительно к негосударственным политическим и общественным движениям, что указывает на доминирующее представление о потенциально заинтересованных в мобилизации структурах, в число которых государство не входит. Так, в 1996 г. был создан международный журнал «Mobilization», специализирующийся в изучении социальных движений, протестных реакций и коллективного поведения.

Различают авторитарную и соревновательную мобилизацию. Соревновательная мобилизация не подменяет автономной активности граждан и включает два взаимодействующих института: институт общественного мнения, мнения индивидуумов и групп и институт интересов власти, политических лидеров и организаций. Цель соревновательной мобилизации состоит в адаптации языка вторых к уровню интересов первых¹. Авторитарная мобилизация сводится к воздействию на общественное сознание, в ней процесс аккумуляции общественных интересов подменяется работой по «политическому просвещению масс». Авторитарная мобилизация, в отличие от соревновательной, имеющей периодический (например, в связи с выборными кампаниями) либо избирательный (т. е. ориентированный на отдельные группы) характер, пронизывает всю систему общественной жизни². Другая классификация процессов социальной мобилизации предполагает выделение главного фактора, лежащего в их основании. Здесь наиболее общее разделение на два типа: конфликтная и позитивная мобилизация.

Таким образом, применение «мобилизационной» концепции к исследованиям по истории советского общества предполагает 1) выявление чрезвычайного по своему характеру воздействия со стороны государства на общество с целью решения разнообразных задач, в том числе далеких от чрезвычайных; 2) определение механизмов, форм и методов мобилизационного воздействия; 3) оценку эффективности такого воздействия; 4) анализ кратковременных результатов и долговременных последствий.

Термин «мобилизация», если исследование не было посвящено военным событиям, практически не использовался в советской историографии. В то же время в общественно-политической лексике 1920–1930-х гг. он являлся вполне привычным и при этом не отождествлялся только с военными приготовлениями. Для западных исследователей он являлся и является привычным и используется ими в свойственной политологии трактовке, т. е. как обеспечение поддержки политики советского государства со стороны населения. Определяя цель своего исследования, автор книги с характерным названием «Рождение пропагандистского государства. (Советские методы массовой мобилизации, 1917–

¹ Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Полис. 1995. № 6. С. 130.

² Там же. С. 130.

1929)» (1985 г.) американский ученый П. Кинез замечает, что первоначально он планировал проанализировать, как изменялись обыденные представления людей в чрезвычайных условиях. Однако источники не позволили ему этого сделать, и он вынужден был обратиться главным образом к анализу «способа, при помощи которого власть доводила свои идеи до населения»¹. По его мнению, основополагающая роль, которую играли методы мобилизации в жизни советского общества, определялась не злокозненностью и циничностью большевиков, а тем, что это характерная черта массового общества. П. Кинез считает необходимым рассматривать содержание пропаганды в сочетании с методами и структурами, которые должны были доносить это содержания до разных слоев общества. С другой стороны, он полагает, что описание методов должно проводиться в обязательном сочетании с анализом политической ситуации, в которой они возникали и использовались: «В этих двух измерениях история пропаганды становится синонимом истории советского государства»². Решая вопрос о том, насколько эффективными оказались советские методы мобилизации, автор замечает, что ответить на данный вопрос чрезвычайно сложно, так как нельзя разделить влияние собственно политических методов и пропагандистских. Однако он все-таки выделяет факторы успеха мобилизации советского общества в 1917–1929 гг.: 1) уверенность большевиков в своей исключительной правоте; 2) пресечение возможных альтернативных каналов влияния на общество; 3) усиливающаяся атомизация советского общества; 4) воздействие советской пропаганды в большей степени на пропагандистов, чем на их аудиторию, за счет чего создавались агенты мобилизации, искренне верящие в то, что они говорят; 5) то, что «советская пропаганда учила людей политическому языку и образцам поведения»³. Показателем эффективности советских методов мобилизации П. Кинез считает победу Советского Союза в войне. О таком же понимании термина «мобилизация» свидетельствуют работы Питера Холквиста, посвященные организации осведомительной работы в Советской России. В отличие от политического надзора за поведением неблагонадежных, который практиковался в России и других европейских странах до Первой мировой войны, система осведомления в Советской России предполагала фиксацию и анализ «всей совокупности настроений населения для тех или иных политических целей»⁴. Другими словами, целью, осведоми-

тельной работы стала не только и не столько профилактика антигосударственных действий, а возможность воздействовать на людей с целью «переделки общества и трансформации каждого его отдельного члена»¹. П. Холквист не связывает формирование данной практики с революцией и не считает ее специфически большевистской. С началом Первой мировой войны у всех воюющих стран появилась потребность и одновременно оправдание для внедрения практик, концепции которых возникли еще ранее, – практик активного управления населением и распоряжения им как ресурсом². Особенность советского режима, по мнению П. Холквиста, стала результатом взаимодействия большевистской идеологии и «опыта практической реализации» специфического варианта политического управления, при котором «население рассматривается и как средство, и как цель некоего эмансипационного проекта»³.

Примечательно, что в современной отечественной историографии термин «мобилизация» применительно к советской истории одним из первых использовал известный отечественный историк германского фашизма и политолог А.А. Галкин. В его статье «Общественный прогресс и мобилизационная модель развития», опубликованной в журнале «Коммунист» в 1990 г., речь идет о мобилизационной модели прежде всего экономического развития. Действительно, в экономической науке существует противопоставление мобилизационной и инновационной моделей развития. Первая модель реализуется, когда общество не имеет достаточного количества ресурсов, не обладает достаточной степенью зрелости внутренних факторов или субъектов развития для решения встающих задач. Актуальность этих задач определяется, как правило, внешними факторами или идеолого-политическими. Основным методом развития при мобилизационной модели является принуждение. По мнению А.А. Галкина, мобилизационная модель развития была выбрана большевиками как эффективный способ преодоления отсталости, возможность в кратчайшие сроки модернизировать экономическую, социальную и политическую сферу. В то же время А.А. Галкин указывает на недостатки мобилизационной модели: ограниченная во времени и в сферах действия эффективность, «негативная кадровая селекция» и высокая инерционность⁴. О социальной мобилизации как российском варианте модернизации демографической сферы общественной жизни, по сути, говорит, не

контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара. 2001. С. 48.

¹ Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы». С. 72.

² Там же. С. 66–67.

³ Там же. С. 74.

⁴ Галкин А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. 1990. № 18. С. 28–29.

¹ Kenez P. The birth of the propaganda state. (Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929). Cambridge, 1985. P. IX.

² Там же. P. 3.

³ Там же. P. 251–260.

⁴ Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский

используя самого термина, А.Г. Вишневский¹ и совершенно очевидно связывает с этим многие проблемы современной России.

Определяя факторы, которые способствовали складыванию мобилизационного общества, большинство исследователей подчеркивают значимость фактора военной угрозы. Данная проблема, которая в исторической публицистике конца 1980-х гг. получила название «синдром осажденной крепости», в настоящее время разрабатывается на основе конкретно-исторических исследований. В монографии Н.С. Симонова, посвященной созданию и развитию военно-промышленного комплекса СССР в 1920 – 1950-е гг., на основе сравнительного анализа идеологических документов, политических решений высших партийных органов, мобилизационных и общезкономических планов показано, что «военная тревога» 1927 г. и связанные с ней политические решения оказали самое серьезное влияние на переход в конце 1920-х гг. к жестко директивному способу управления экономикой страны, «невзирая на вопиющие хозяйственные диспропорции и полное расстройство товарно-денежного обращения»². Н.С. Симонов определяет данный вариант экономического развития как характерный для военного времени и называет его «военно-мобилизационной системой управления», выделяя при этом следующие признаки: мобилизационный характер финансовой и ресурсной политики, милитаризация труда, жесткое регулирование системы потребления и оплаты труда³. Автор признает, что эффект от использования такой системы в мирное время значительно ниже, чем издержки; вместе с тем он полагает, что это был единственно возможный способ преодоления в короткий срок военно-технической отсталости СССР⁴. С точки зрения возвращения к чрезвычайной политике анализируют большинство историков-крестьяноведов политику коллективизации и «раскулачивания».

Хотя использование мобилизационной модели для изучения политических и экономических процессов позволяет сосредоточить внимание исследователей на чрезвычайном характере используемых методов и социальных результатах их применения, все же наиболее эффективной она кажется нам для изучения социальной, культурной и идеологической сфер общественной жизни. Весьма интересными и перспективными нам кажутся исследования процессов социальной мобилизации на основе изучения способов социальной и политической идентификации в советском обществе и анализе языковых практик. Одним из пионеров в изучении процессов социальной идентификации стала Шейла Фитцпат-

¹ Вишневский А. Г. «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР». М., 1998.

² Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 59–70.

³ Там же. С. 70, 71.

⁴ Там же. С. 72.

рик. Ее известная работа, посвященная аскрипции, т. е. приписыванию к классу, группе, как способе конструирования социальной реальности, стала основой для исследований в этой области. Сейчас активно изучается проблема того, как разные виды идентификации (навязываемая сверху, горизонтальная и самоидентификация) оказывали влияние на формирование поведенческих практик, т. е., по сути, являлись одним из способов социальной мобилизации. Подобного характера исследования ведутся и в области языковых практик. В этой области значительных успехов достигли отечественные исследователи¹.

В заключительной части нам бы хотелось несколько слов сказать о результатах собственных исследований в области процессов социальной мобилизации. В качестве одного из способов социальной мобилизации, и соответственно – предмета нашего исследования, были выбраны идеолого-пропагандистские кампании конца 1920 – начала 1940-х гг. трех типов: 1) те, в основе которых лежал фактор внешней угрозы (конца 1920-х гг. и кануна Великой Отечественной войны); 2) направленные против внутренних «врагов» («старая» интеллигенция и «кулачество»); 3) кампании, преследовавшие цели позитивной мобилизации (стахановское движение и обсуждение проекта Конституции 1936 г.). Использование мобилизационной модели предполагало выявление декларируемых и скрытых целей кампаний как на основе директивных документов партийного делопроизводства, так и периодической печати; выявление этапов каждой из кампаний; определение методов мобилизационного воздействия и его эффективности. Такое исследование позволило добиться значительных результатов в изучении конкретных кампаний. Особо хотелось бы отметить «антикулацкую» кампанию начала 1930 г. Анализ выявил крайне агрессивный характер кампании, неадекватный «кулацкой» угрозе, представленной в газетах; а также фактическую направленность кампании не только против «кулака», но и против традиционного крестьянства в целом. Помимо этого, были определены некоторые важные характеристики социальной мобилизации в целом. Так, в ходе исследования проверялась рабочая гипотеза о том, что зависимость типа мобилизации от исторического контекста должна проявиться в преобладании в тот или иной период методов либо конфликтной, либо позитивной мобилизации. В целом такая зависимость, несомненно, существует. Вместе с тем такое разделение оказалось достаточно условным, поскольку в каждой из рассмотренных кампаний сочетались оба фактора, но фактор оппозиции «мы – они» все же оставался доминирующим. С наибольшей яркостью это проявилось в ходе кампаний, связанных со

¹ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Он же. Интеллигенция и власть в Петрограде 1917–1925 годов: конформистские стратегии и язык сотрудничества // Новое литературное обозрение. 2006. № 78.

стахановским движением и обсуждением проекта Конституции. Данные кампании, в основе которых лежал фактор позитивной мобилизации, неизбежно сбивались на конфликтный тип, что, по-видимому, можно считать характерной чертой советского варианта социальной мобилизации. Данная особенность свидетельствует о непрочности мобилизационных режимов на длительном временном промежутке, т. к. их существование требует постоянного поддержания в обществе атмосферы противостояния, которая зачастую становилась источником весьма значительных побочных, нежелательных для власти эффектов.

Сложным остается решение вопроса об оценке эффективности методов социальной мобилизации. В глазах власти идеолого-пропагандистские кампании, несомненно, были важным средством мобилизации; в то же время эффективность их воздействия на общество зависела от ряда факторов, основным из которых являлась степень соответствия пропаганды реальности и уже сложившимся стереотипам сознания разных общественных групп.

В целом, можно говорить о том, что к началу Великой Отечественной войны в стране сформировался и постоянно воспроизводился мобилизационный тип взаимоотношений между обществом и властью, что, возможно, стало одним из факторов победы СССР в войне.